

Лю Гуюй почти сразу всё вспомнил. Согласно сюжету оригинала, у гэров на лбу есть красная родинка: чем она ярче, тем крепче здоровье и тем сильнее способность к деторождению. Но в древности это считалось личной тайной гэра, видеть её могли лишь самые близкие люди, поэтому в обычное время её прикрывали повязкой на лбу.

Вспомнив этот момент, Лю Гуюй закатил глаза и, подняв руку, сорвал со лба «траурную» повязку. При этом он пробормотал:

— Вот ведь, словно мозги себе замотал...

Стоял август, жара ещё не спадала; он только что вернулся из городка, и лоб был весь в поту, так что повязка тоже насквозь промокла. Лю Гуюй, воспользовавшись водой в тазу, сполоснул её и, попутно, принялся обдумывать своё нынешнее положение. Он уже оказался здесь, а по опыту чтения романов знал, что подобные перемещения обычно односторонние: пришёл - и назад не вернуться, так что, скорее всего, дорога домой для него закрыта.

Жизнь в семье Цинь тяжёлая, да ещё и рядом растёт будущий злодей, который пока не достиг зрелости; если честно, это тоже настоящая «огненная яма».

Но древние времена - не современность: уйти отсюда означало бы остаться вовсе без средств к существованию; только такой глупец, как прежний хозяин тела, мог утащить деньги и сбежать. В книге подробно не описывалось, что с ним произошло после побега, но когда позже Цинь Жунши его нашёл, тот уже сильно изменился - исхудал, словно сухая ветка, со множеством старых ран на теле.

Впрочем... если подумать, Цинь Жунши сейчас ещё мал, всего двенадцать-тринадцать лет, и многие важные события сюжета ещё не произошли. Значит ли это, что пока он ещё ребёнок, его можно направить на правильный путь?

Как ни крути, он - злодей, но злодей выдающегося ума; к тому же сейчас он один из немногих в деревне, кто учится. Возможно, удастся зарабатывать деньги и продолжить его обучение, вырастив из него честного и достойного чиновника. В древности простой народ - как трава под ногами, разве не нужно найти себе «золотое бедро, за которое можно ухватиться»?

Вот только бедность...

На лечение матери Цинь нужны деньги, на содержание двоих детей - тоже, на обучение Цинь Жунши - тем более; расходы повсюду, а семья Цинь уже едва сводит концы с концами.

Пусть сегодня они и получили пособие за смерть Цинь-далана, но эти деньги, очевидно, трогать нельзя, их нужно оставить на лечение матери Цинь... и даже их, возможно, не хватит.

Нужно зарабатывать!

Обязательно нужно зарабатывать!

Лю Гуюй про себя снова и снова повторял эту мысль. В прежнем мире он был довольно известным фуд-блогером, специализировался на десертах, вот только будет ли у него возможность вновь заняться этим в чужом мире?

Пока он размышлял, деревянная дверь в комнату вдруг постучала, и снаружи раздался робкий голос Цинь Баньбань.

Девочка тихо позвала:

— Старшая невестка... пора есть.

Услышав её, Лю Гуюй тут же собрался с мыслями и громче ответил:

— Иду!

Он откликнулся и уже сделал шаг к выходу, но у самой двери вдруг остановился, вернулся обратно, порылся в ветхом шкафу, нашёл чистую повязку на лоб, поспешно повязал её и только после этого быстро вышел.

В кухне у стены стоял небольшой деревянный стол; подойдя ближе, Лю Гуюй заметил, что у него сломана одна ножка, и потому его подпирали, прислонив к стене. В доме было трое здоровых людей и ещё один больной, но на столе стояло всего два блюда: тарелка тёмно-зелёных холодных диких трав, название которых он даже не знал, и тарелка жареных яиц.

Жалко. До чего же жалко.

Лю Гуюй мысленно вздохнул.

Вообще-то в семье Цинь обычно даже яйца не жарили - только потому, что Цуй Ланьфан заболела, Цинь Жунши решил, что стоит позволить сестре приготовить их. Мяса в доме не было, да и других хороших продуктов им было не по карману, оставалось лишь съесть яйцо, чтобы хоть немного подкрепиться, лучше так, чем совсем ничего.

Не было и риса - ни белого, ни даже грубого; в грубых глиняных чашках лежали лишь несколько жёлтых, сухих паровых лепёшек. Лю Гуюй снова тяжело вздохнул про себя и не стал сразу садиться за стол и брать чашку.

Цинь Баньбань широко раскрыла свои тёмные блестящие глаза, затем взяла из чашки один вуту и протянула его вперёд:

— Старшая невестка, поешь.

Девочка была послушной, с круглыми ясными глазами; когда она поднимала голову и смотрела на Лю Гуюя, на её губах играла мягкая улыбка. Сердце Лю Гуюя невольно дрогнуло, и, глядя на них теперь, ему стало трудно воспринимать их как персонажей книги - перед ним были живые люди из плоти и крови, умеющие говорить и улыбаться.

Сидевшая с другой стороны Цуй Ланьфан тоже кивнула и, с трудом выдавив из себя слабую улыбку, сказала:

— Да, садись, поешь.

Трое сели за стол, но за всё время еды не произнесли ни слова. Лю Гуюю казалось, что атмосфера слишком неловкая; он хотел было что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку, но, подняв взгляд то на одного, то на другого, в конце концов опустил голову и притворился, что его нет. Судя по выражению лица матери Цинь, стоило кому-нибудь заговорить, и она тут же разрыдается.

Эх... старший сын только что умер - уже одно то, что она держится, достойно сочувствия.

После еды Цинь Жунши собрал посуду и пошёл мыть. С детства он учился, но не придерживался тех косных правил вроде «благородный муж держится подальше от кухни»; когда раньше готовили, он помогал сестре раздувать огонь, а теперь и сам взялся за мытьё посуды. Лю Гуюй тихо наблюдал со стороны, думая про себя, что натура у этого мальчишки вовсе не плохая, значит, ещё есть шанс направить его в нужное русло.

После того как посуду убрали, вскипятили воду и умылись, семья разошлась по своим комнатам. Комнат в доме было немного: Цинь Баньбань жила вместе с Цуй Ланьфан, а у Цинь Жунши и Лю Гуюя было по маленькой комнате, хватало лишь, чтобы разместиться.

Ночь была тихой и глубокой, все разошлись по своим постелям, так и прошёл этот суматошный день.

Цинь-далан погиб на поле боя - ни тела, ни костей не осталось, душа ушла в чужие края, но похороны всё равно нужно было устроить. Сейчас у семьи Цинь не было денег, ни о каких пышных обрядах и поминальном угощении для всей деревни не могло быть и речи; они лишь сделали деревянный гроб, чтобы устроить символическое захоронение одежды и вещей, дабы в праздники, вроде Цинмина, было место для поклонения.

Жизнь в семье шла почти так же, как прежде, у них не было средств даже на траурные белые полотнища, но именно в этот день во двор ворвались несколько крепких мужчин.

— Эй, из семьи Цинь! Слыхали, ваш старший сын помер? Государство ведь выдало вам пособие,

так, может, теперь вернёте долг?!

— Точно! Уже больше двух лет тянете! До каких пор собираетесь тянуть?!

— Быстро деньги возвращайте! А не то сегодня же расколем гроб вашего сына на дрова!

...

Был август, время сельскохозяйственных работ, но как раз приближался вечер, и крестьяне возвращались домой; многие, проходя мимо, вытягивали шеи, с любопытством глядя на происходящее. А несколько соседних домов и вовсе распахнули двери, наблюдая за сценой, словно за представлением.

Долг? Семья Цинь ещё и должна кому-то деньги?

В книге об этом ведь ничего не говорилось... Пока Лю Гуй об этом размышлял, Цуй Ланьфан уже вышла вперёд.

Она была женщиной робкой, но, услышав, как эти мужики угрожают расколоть гроб её сына, всё же вышла вперёд, задыхаясь от возмущения, с дрожащими губами сказала:

— Долг вашему дому мы ещё в прошлом году полностью вернули! И сам долг, и проценты - всё отдали! Чего вам ещё надо?!

Цуй Ланьфан и без того была больна, а сейчас от злости её тело шаталось, лицо побледнело ещё сильнее.

Тот мужчина, не боясь нажать неприятностей, лишь ухмыльнулся с наглой ухмылкой и прямо заявил:

— Да какие там проценты - этого и близко не хватило! Ещё три-пять лян должны!

Семья Цинь и правда когда-то брала в долг: несколько лет назад отец Цинь тяжело пострадал, и, чтобы лечить его, пришлось занимать у соседей; но человека всё равно не спасли. Позже, затянув пояса, семья постепенно всё вернула. Другие семьи не стали придирааться, просто порвали долговые расписки, только люди из семьи Ван оказались настоящими наглецами и мошенниками, ни за что не желали признавать долг погашенным, утверждая, что проценты не выплачены. К тому же в семье Ван было много мужчин - четыре-пять крепких здоровяков, тогда как у семьи Цинь лишь вдова да сироты; с такими не поспоришь.

Услышав это, Цуй Ланьфан задохнулась от гнева и, указывая на них пальцем, закричала:

— Бесстыдники! Вы ведь тогда одолжили всего четыре лян, а теперь хотите, чтобы мы выплатили пять лян процентов?! Откуда у вас такие расчёты?!

Услышав это, стоявшие вокруг крестьяне зацокали языками, соглашаясь, но никто так и не решился вмешаться. В конце концов вперёд вышла лишь одна тётушка - упёрла руки в бока и прикрикнула на них:

— Эй, из семьи Ван! Не вздумайте, пользуясь тем, что вас много, издеваться над людьми! Мы все из одной деревни, хоть какое-то чувство меры должно быть!

Эта тётушка жила по соседству с семьёй Цинь - та самая, что недавно одолжила им ослиную повозку. Она тоже была вдовой, две вдовы жили по соседству, но по характеру они были совершенно разными. Цуй Ланьфан была мягкой по характеру, при любых трудностях лишь отступала и уступала; а вот соседка, тётушка Линь Син-нян, была полной её противоположностью - резкая, прямая и горячая, она ни за что не позволяла себя обидеть ни на волос. Если уж говорить откровенно, Лю Гуюю такие люди нравились куда больше.

Среди пришедших с мужчинами была и одна плотная, широкобёдрая женщина из семьи Ван. Она на мгновение замялась, а затем, уперев руки в бока, разразилась бранью:

— Чепуха! Вы нам четырнадцать лян задолжали, а ты языком щёлк - и уже четыре?! Эй, из семьи Цинь! Мы ведь тогда пожалели вас и дали в долг, а вы теперь, выходит, отказываетесь признавать?!

Цуй Ланьфан и без того была больна, а теперь от злости начала тяжело дышать и, опустив голову, закашлялась так сильно, что не могла вымолвить ни слова. Это напугало Цинь Баньбань - девочка поспешно подбежала, поддержала мать и стала маленькой ладонью похлопывать её по спине.

...Что касается Цинь Жунши. Лю Гуюй бросил взгляд и увидел, что тот уже незаметно встал позади него: лицо без выражения, в глазах мрачный холод, а в руке неизвестно когда появился ржавый топорик для дров.

Вот это да! Что за ребёнок такой!

Лю Гуюй перепугался, поспешно оттеснил его назад, опасаясь, как бы тот, доведённый до предела, не бросился вперёд рубить. Он успокаивающе похлопал его по плечу, затем сам вышел вперёд и, уставившись на женщину из семьи Ван, сказал:

— Это ты сказала, что мы заняли четырнадцать лян, и это сразу стало правдой? Что, у тебя язык освящён, что ли? Сказала - и так и есть? Ладно, допустим, четырнадцать лян! А где

расписка? Давай, показывай!

Люди из семьи Ван на мгновение опешили, уставившись на Лю Гуюя так, будто перед ними привидение. И в этом не было ничего странного. У Лю Гуюя в деревне была дурная слава. Он не был человеком, заботящимся о семье, напротив, считался известным эгоистом. Раньше, когда в семье Цинь случались неприятности, он либо делал вид, что нем, либо запирался в комнате, словно глухой, и вовсе не выходил, почти никогда не вступаясь за них. Жители деревни говорили о нём как о неблагодарном «белоглазом волке».

Лишь Цуй Ланьфан, добрая и слишком мягкая женщина, всё ещё считала, что виновата перед ним, что он, выйдя замуж в их семью, оказался в положении «живого вдовца».

И вот впервые этот Лю-гэр выступил вперёд.

Люди из семьи Ван растерялись лишь на мгновение, но быстро опомнились и поспешно сказали:

— Какая расписка? Мы... мы её с собой не взяли! Но долг всё равно не выплачен! Если сегодня не отдадите, никому из вас житья не будет!

Лю Гуюй усмехнулся от злости и в ответ спросил:

— Расписки нет и ты ещё смеешь утверждать, что мы тебе должны? Одними губами шевельнул и уже правда? Сходи-ка, расспроси, у кого это долги возвращают без расписки? Сегодня принесёшь бумагу на четырнадцать лян, мы этот долг признаем! А если нет...

Он не договорил, но смысл был предельно ясен.

Люди из семьи Ван явно запутались в его словах. Расписка у них действительно была, но на ней чёрным по белому было написано вовсе не четырнадцать лян. Не покажешь расписку - долг не признают; покажешь - сам докажешь, что четырнадцать лян выдуманы.

И так плохо, и этак плохо.

Женщина из семьи Ван так разозлилась, что топнула ногой; она вовсе не собиралась рассуждать по справедливости - не сумев переспорить, сразу позвала своих сыновей и велела им действовать силой, разбить стоящий во дворе деревянный гроб.

Лю Гуюй тут же выступил вперёд, заслонив его, и громко сказал:

— Долги возвращать - дело естественное и справедливое! Но если вы собираетесь вытворять такое, мы этого не признаем! Все тётушки и дядьки здесь знают! Мой отец был скупаем, и я в

детстве тоже учился! В «Законах Великой Юн» ясно сказано: запрещено брать проценты сверх нормы, запрещено обращать проценты в основной долг; нарушителю —полагаетсясорок ударов палкой, если же проценты превышают основной долг - восемьдесят ударов и штраф в пять гуаней серебра!

Он широко распахнул глаза, глядя на явно сбитых с толку людей из семьи Ван, затем перевёл взгляд на собравшихся у ворот деревенских жителей, которые пришли поглазеть и теперь стояли ошеломлённые. Продолжая говорить, он незаметно ущипнул себя за бедро, выдавив пару слезинок - выглядел он при этом жалко и скорбно.

— У меня ещё похороны мужа не закончены, а вы уже ведёте сюда своих сыновей, чтобы устроить скандал! Хорошо, к гробу вам не притронуться! Я сегодня же разобьюсь об него насмерть и уйду вслед за своим покойным мужем! Если ваша семья хочет довести людей до смерти, не оставьте нам пути к жизни, тогда никому не жить спокойно!

— Эрлан! Беги к чиновникам! Скажи, что семья Ван незаконно взимает ростовщические проценты и доводит до смерти семью погибшего воина!

<http://bllate.org/book/17177/1609076>